

Запись фрагментов беседы академика Сахарова А. Д.
с американскими учеными Джереми Стоуном и Фрэнком фон Хиппелем
(на 12 страницах)

Сахаров: — Я знаю, что была дискуссия, дискуссия о том, нарушает стратегическая инициатива Рейгана договор о противоракетной обороне или не нарушает. Если нарушает, то на каком этапе? Я думаю, что американская сторона всегда признавала, что развертывание, вывод в космос боевой системы — это нарушение договора ПРО.

Стоун: — Федерация американских ученых предложила советской стороне начать разоружение, не думая о «звездных войнах». Стороны должны начать разоружение, даже если они не могут решить вопрос о СОИ. <...>*

Стоун: — Я хочу передать вам письмо от сенатора Эдварда Кеннеди.

Сахаров: — Тут любезное приглашение от Эдварда Кеннеди приехать в США. Это для меня всегда сложный вопрос. У меня есть постоянная позиция по отношению ко всем приглашениям, которые я в последнее время получаю. Представители советских властей неоднократно официально заявляли, что я не имею возможности выезжать из СССР в какие-либо поездки. Я имел отношение к секретным работам. Поэтому я сам не предпринимаю никаких шагов в отношении своего выезда. Я считаю, что для того, чтобы это имело смысл, нужно, чтобы советские власти изменили свою позицию в этом вопросе. Это может произойти в двух случаях: если это нужно властям по их политическим соображениям или если со стороны зарубежных политических деятелей и организаций будет очень мощное давление, которое способствовало бы изменению политики**. В отношении второго я считаю, что тут нужны такие мощные концентрированные усилия, которые уже не соизмеримы с целью. Есть очень много других важных задач в направлении давления на советские власти. Я считаю, что с моей стороны я не могу быть инициатором таких кампаний и добиваться изменений в отношении моей секретности.

Публикация Ю. И. Кривоносова

* Далее обсуждаются вопросы сбалансирования интересов двух сторон при ядерном разоружении.

** Подчеркнуто лицом, читавшим документы.

Воспоминания

М. В. Фок

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Военное время

Война застала нас на даче в Малой Ижоре. Мама сразу же перестала пользоваться крупами, запасенными на все лето. (Потом они сослужили хорошую службу моей бабушке и тете Ките, но жизнь им все-таки не спасли.) Отец в это время был в санатории в Кисловодске (или Эссентуках?). Он вернулся в Ленинград и приехал к нам. В августе, когда до нас пассажирские поезда уже не ходили, мы вернулись в Ленинград. Несмотря на частые бомбежки и артобстрел, мама водила нас гулять как всегда большей частью на Неву, папа ходил в университет. Однако прогулки стали много продолжительнее, ибо теперь они совмещались с обедом в Доме ученых, расположенном недалеко от Эрмитажа. Сначала там было мало народу, а потом становилось все больше и больше. Мы брали с собой в портфеле небольшую плоскую кастрюльку и клали туда кое-что для бабушки. Ходили мы на Неву обедать и в день авианалета на Бадаевские продовольственные склады. Назавтра норму хлеба снизили раза в четыре. Иждивенцы, а в нашей семье их было много, стали получать всего по 100 г хлеба в день.

Отец решил, что на ночь нам следует приходить в Физический институт, который располагался на Васильевском острове, там было поспокойнее, и мы два или три раза ходили туда ночевать в лаборатории в полуподвале.

Все это время мы «сидели на чемоданах». Мама сдала в Фонд обороны дорогие старинные серьги (об этом даже написали в газете) и продала другие, чтобы иметь деньги на дорогу. С бабушкой должна была остаться тетя Китя, которая из-за этого отказалась эвакуироваться и была уволена из Геологического института. (Бабушка дороги бы не вынесла и о ее эвакуации речи не было.) Папа, по-видимому, тоже какое-то время отказывался эвакуироваться, а может быть, не успел, потому что был на Кавказе. Во всяком случае, часть университета уже уехала, а мы еще оставались. 17 или 18 сентября отца вызвали в Смольный и сказали, что принято решение об эвакуации его с женой и детьми: «Это приказ и обсуждению не подлежит». Разрешалось взять по чемодану на человека. Утром 19-го должна была прийти машина и отвезти нас на аэродром. Мы надели по два костюма, мама упаковала чемоданы, папа оставил в кабинете высокую стопку своих оттисков и написал сверху: «Труды В. А. Фока». Взрослые, конечно, понимали, что вряд ли они встретятся. Так оно и вышло: из оставшихся пяти человек взрослых пережила войну только моя двоюродная сестра.

В Москве мы прибыли к П. Л. Капице, который дал нам ключи от квартиры одного из эвакуировавшихся сотрудников (кажется, Ландау), где мы и прожили несколько дней до отъезда в Елабугу.

В Казань мы ехали в плацкартном вагоне, почти как в мирное время, только белья и чая не было. В одном вагоне с нами ехал И. Е. Тамм и всю дорогу рассказывал разные смешные случаи и анекдоты. Доехали вполне благополучно и пробыли в Казани дня два-три.

В Елабугу плыли на пароходе, любовались высокими лесистыми берегами Камы. В Елабуге мы разместились сначала в доме, где жил математик Владимир Иванович Смирнов, в комнате, предназначенной для еще не приехавшей семьи Н. А. Толстого (физика, сына писателя А. Н. Толстого). Взрослые (по-моему, главным образом, мама) стали искать постоянное жилье. Квартиру нам предлагали в частных домах, что, конечно, было нежелательно.

На краю города стояло красное здание, выше всех остальных — бывшее Епархиальное училище. В нем поместился филиал Ленинградского университета, потеснив педагогическое училище. А через год в это же здание въехал еще и Воронежский университет.

Наконец в жилотделе нам предложили домик, освобождающийся потому, что занимавший его агроном уезжал куда-то в деревню. Домик был в сущности избой-пятистенкой, только несколько удлиненной и на высоком кирпичном фундаменте. В передней половине стояла изразцовая печь — «голландка», вокруг нее три комнаты, разделенные тонкими перегородками, все про-

Окончание. Начало см. в № 2 за 1993 г.

ходные, так что вокруг печки можно было обойти. Папа спал в небольшой темной комнате, а в самой маленькой, с окном во двор, он устроил свой кабинет. В задней половине дома стояла огромная русская печь.

Кое-какая мебель осталась от прежних хозяев: пара скамеек, стол из толстых досок и, кажется, остовы железных кроватей, на которые надо было класть доски, чтобы не провалиться. Папа приобрел в комиссионном магазине две тумбочки, верхнюю половину шкафа с полками, два стола и несколько стульев. На базаре купили топор, колун, ведра из кровельного железа, рукомойник, несколько глиняных горшков и даже новую кадущку ведер на 10 для воды. Там же папа купил дрова и несколько мешков картошки.

Мы устроились в общем неплохо: просторный и добротный дом полностью находился в нашем распоряжении. Жили мы, конечно, скудно, но не голодали. Первое время мама даже покупала каждый день молоко у соседки через дорогу. Папа много работал, разрабатывал теорию диффракции. Иногда к нему приходил В. И. Смирнов, они обсуждали папину работу, жалели какую-то функцию G , на которую приходилось накладывать ограничения.

Хозяйством занималась мама, а я колот и носил дрова, воду, убирал снег, штопал носки, летом таскал вязанки хвороста с берега Камы километров за пять. В папином «кабинете» (шестиметровая комната с тремя дверями) я сделал этажерку для книг из купленных в мебельном магазине фанерных сидений для стульев. Получилось не сказать, чтоб красиво, но прочно. Научных книг там купить было невозможно, но папа быстро заполнил этажерку рукописями. Мыла не хватало, и мама стирала в щелоке, получаемом из золы, выгребаемой из печек. Зимой морозы стояли около 40° . Валенки у нас не было. Папа для тепла ходил в галошах, которые от мороза совсем растрескались по бокам. Заклеить их было нечем, пытались зашить, но безуспешно. В доме было сравнительно тепло. Электричество давали только по вечерам, на несколько часов, и нам нередко приходилось пользоваться керосиновой лампой. Стекло ее «по мере разбивания» мама заклеивала бумагой, постепенно темневшей от жара.

Когда мне исполнилось 13 лет, папа подарил мне карманные часы и сказал, что его папа тоже подарил ему карманные часы, когда ему исполнилось 13 лет.

Однажды к нам пришла какая-то женщина, сказала, что у нас обнаружена 200-ваттная лампочка и «резетка для плитки», и потребовала, чтобы папа подписал какую-то бумагу. Он отказался, а я спросил у женщины, что такое «резетка». Она ответить не смогла. И лампочка и «резетка» у нас были, мы их и не скрывали. Лампочка горела у папы в «кабинете», а резетка использовалась для настольной лампы (электроплитки у нас и в помине не было).

В уборной стал быстро нарастать пик и грозил высунуться в отверстие. Мама почему-то назвала его пиком Сталина. Не догадывалась ли она кое о чем уже тогда? Папа взял колун, снял доски и сбил пик. За зиму пришлось делать это еще два раза.

Весной мы, как и все филиальцы, получили за городом участок под картошку (10 соток). Мы копили макушки от картошки всю зиму, так что у нас было, что сажать. Я не помню, принимал ли папа участие в «сельхозработах» (кажется, осенью он носил выкопанную картошку домой), зато помню, как я ходил с ним в лес заготавливать дрова. Полагалось свалить большую сосну, отпилить снизу бревно в 6 метров, а остальное можно было разделить на дрова. Вывозили дрова зимой, по санному пути. Поэтому надо было их сложить и запомнить, где они лежат. Подводы получали рано утром в учреждении со звучным названием «Гужтранс». Как ни странно, дрова не украл, и зимой я их нашел и привез домой. Не помню почему, но ездил я туда один, без папы.

А летом 1942 г. разговоры велись вокруг картошки. Мама даже заметила, что знакомые вместо «здравствуйте» говорят: «Как ваша картошка?» Картошки уродилось довольно много, но то ли мы поздно ее посадили, то ли слишком много подкапывали, чтобы добыть молодую, но была она очень мелкой. Папа есть ее не мог, потому что он заболел. У него обострился хронический колит, донимавший его еще до войны, и началось истощение нервной системы (как наши врачи значительно позже). Папа плохо спал, ему все время казалось, что в доме душно, часто болела голова и он не мог работать. Мама каждый месяц ходила в горсовет и добывала там разрешение на получение по папиной карточке пшеничной муки вместо черного хлеба. Ничего другого по карточкам не давали.

Зимой 1942—1943 г. папа, В. И. Смирнов и еще человека два из филиала ездили в Свердловск на сессию Академии наук. Это было трудное путешествие — более 70 км пешком и на санях (одни сани на всех) до станции Кизнер, где надо было сесть на проходящий поезд. Сессию мама назвала «промтоварной», потому что все привезли оттуда кое-какие промтовары. В частности, папа привез новые галоши (и еще что-то, что не запомнилось). Летом папа ездил лечиться в Боровое — курорт, кажется, в Казахстане, где находились в эвакуации многие академики.

С некоторого времени папа работал по теории радиолокации для института № 108 в Москве. Работа была закрытая, и про этот институт я узнал много позже. Осенью же 1943 г. папа уехал в Москву и вскоре прислал загадочную телеграмму: «Срочно вышли Анне номер твоего номера». Мама догадалась, что папе понадобился номер ее паспорта. Не дождавись на-

шей телеграммы, папа все-таки каким-то путем получил документы, по которым мы могли выехать в Москву. Он вернулся в Елабугу в сопровождении молодого, подтянутого, даже несколько щеголеватого морского офицера, которому было поручено помочь папе переехать в Москву.

Мы водворились в Доме приезжих Академии наук, находившемся тогда на берегу Москвы-реки возле Крымского моста.

В декабре папа получил квартиру в новом доме, который был построен еще до войны, но оборудовать его начали только перед нашим въездом, да и то чем придется. Например, батареи отопления ставили те, что уцелели в разбомбленных домах.

После прорыва блокады Ленинграда, как только появилась возможность, отец поехал туда и прислал нам телеграмму: «Родной Ленинград по-прежнему прекрасен». В Ленинграде он получил взамен нашей довоенной квартиры другую, меньшую, расположенную на Васильевском острове недалеко от того места, где он жил до революции.

Работал папа в это время очень много. Я его и запомнил сидящим за письменным столом. Дверь в свою комнату он обычно не закрывал, и, проходя мимо, можно было видеть его со спины и несколько сбоку. Хотя с тех пор прошло почти полвека, эта картина и сейчас без труда возникает в моей памяти.

После войны

В последующие годы отец, как выразился И. Е. Тамм, «из двух половин времени большую проводил в Ленинграде». Мы же осваивались в Москве. Поэтому мои воспоминания становятся еще более отрывочными. Когда я учился в 10 классе, я спросил его, что такое число «е». Он быстро осведомился, знаю ли я, что такое производная; узнав, что не знаю, тут же мне объяснил, а потом показал, что производная от e^x равна e^x . Больше я его ничего не спрашивал, ни по школьному, ни по университетскому курсу. В это время отец продолжал заниматься теорией диффракции, под его руководством в институте работало несколько человек. Как-то зимой (кажется, 1945—1946 г.) он с некоторой досадой сказал, что ему записали выполнение плана на 36%, видимо, потому, что он решил всего одну задачу — общую — вместо запланированных трех частных, решение которых вытекает из этой общей. Вскоре после войны ему удалось напечатать часть своих работ по диффракции. В дальнейшем он получил за них Сталинскую премию.

Летом 1946 и 1947 г. мы вчетвером ездили в дома отдыха. В 1946 г. отдыхали в Ялте, тогда еще полуразрушенной. Вместе ходили к морю, ездили на экскурсии. В частности, посетили домик Чехова. Так как отец не слышал объяснений экскурсовода, я попытался громко пересказать ему хотя бы часть услышанного. Заметив недовольство экскурсовода, отец сказал ему, что дома у него был «культ» Чехова и потому ему очень приятно находиться там, где он жил. На этом инцидент был исчерпан.

В 1947 г. ездили на Рижское взморье в Дзинтари. Несмотря на довольно холодную погоду, отец купался и здесь.

В Дзинтари произошло два характерных эпизода. Однажды на пляже мы увидели некую важную «персону», прогуливавшуюся в окружении охранников и еще нескольких человек. Охранники двигались на строго постоянном расстоянии, чуть сзади, перешагивая через лежащих на песке отдыхающих. Остальные теснились возле «персоны», и, когда она пошла в воду, кто-то забежал далеко от берега и сфотографировал ее. Мы втихомолку посмеялись, но особого внимания не обратили. Когда же на следующий день большой кусок пляжа оказался отгороженным скамейками и туда никого не пускали, отец рассердился и написал, если не ошибаюсь, прямо в Совет Министров ЛатвССР. Скамейки убрали на следующий день. («Персона» оказалась латвийским министром.)

Второй эпизод более мелкий. Отцу пришло извещение о доплатаном письме, т. е. письме без марки, которое надо выкупить при получении. Оказалось, что отец принципиально не выкупает доплатных писем. Он не поленился сходить на почту и подать заявление, чтобы это письмо отправили обратно.

На даче

В 1948 г. отец получил дачу в Келломяках (ныне Комарово). Он уже тогда жаловался, что у него «голова мутная» и считал, что это от «плохого» воздуха. Поэтому кабинет свой он устроил в комнате, наиболее удаленной от кухни, а спальню в соседней с ним комнате. Письменный стол поставил у окна, выходящего на север, по обе стороны от него — мягкие кресла, на которых, однако, почти никогда никто не сидел, ибо они немедленно оказались занятыми папками, портфелями и т. п. Стол тоже быстро оказался заваленным разными бумагами, так что зеленое сукно проглядывало лишь посередине. Отец говорил, что он с детства любит перочинные ножики и карманные фонарики, но уж не знаю, с каких времен, он любит также карандаши и авторучки. Все это не замедлило появиться в большом количестве на свободной части стола и заполнить средний

его ящик. На столе для пишущей машинки лежали стопки чистой бумаги, которую отец тоже очень любил и покупал в пачках, блокнотах и даже небольших рулонах. Он говорил, что в 20-х гг. с бумагой было очень трудно и с тех пор он покупает хорошую бумагу, как только ее увидит в магазине. Даже из заграничных поездок он привозил большие блокноты писчей бумаги и копирку. Возле двери, напротив письменного стола, отец поставил диван и круглый стол. На этом диване он любил сидеть, читая какую-нибудь книгу (большей частью чьи-то воспоминания) или раскладывая пасьянс. По вечерам после ужина пасьянс был обычным ритуалом и в городе и особенно на даче. Папа говорил, что он помогает отвлекаться от мыслей о работе, которые мешают заснуть. Он любил пасьянсы, допускающие много комбинаций, исход которых зависит от умения раскладывающего, а не только от его внимательности. Если пасьянс безнадежно не сходил, он любил «поджулить», т. е. временно убрать одну (только одну!) карту или переложить ее из-под низу в другое, «законное» место так, чтобы затруднения сразу исчезли и пасьянс сошелся. Когда я упрекнул его в этом, он ответил: «В других случаях ведь нельзя жулить, а хоть где-нибудь обязательно нужно». Последним обычно раскладывался пасьянс «косынка», самый сонный. Если «косынка» выходила с первого оборота колоды, он говорил, что завтра будет хорошая погода, а если не выходил даже со второго, — то плохая, и утверждал, что его прогноз оправдывается не реже, чем передаваемый по радио. Из остальных четырех пасьянсов, которые папа любил раскладывать, два тоже имели «гадательное» значение: «усы» (перед поездкой) — если сошелся, значит дамы в купе не будет, и «железная дорога» (иначе — «свадебное путешествие») — приедет ли завтра кто-нибудь из ожидаемых родных (перед собственной поездкой «железную дорогу» раскладывать не полагалось). Если пасьянс не выходил, папа начинал хитрить с помощью правила, придуманного им самим.

В большой комнате, из которой можно было пройти в кабинет и на веранду, поставили у окна мамин письменный стол, на нем приемник и магнитофон. Магнитофоном отец пользо-

В. А. Фок с акад. В. И. Смирновым. 1967 г.

вался часто. Сначала он диктовал в него свои статьи, потом прослушивал и записывал на бумагу уже в отредактированном виде, но это не пошло. А вот английский разговорный язык отец выучил именно с помощью магнитофона. Записывая передачи английского радио (новости), он затем прослушивал их один или два раза, пытаясь по возможности полностью разобраться (учебных пластинок тогда еще не было). Кроме того, отец записывал наши голоса, иногда даже незаметно от нас, а потом давал нам прослушивать.

Мы много ездили на велосипедах, купались, ходили за грибами. К обеду опаздывать не полагалось. За стол садились в рубашках, даже майки не допускались. Отец, как правило, ходил в костюме и даже с жилетом. В очень теплую погоду он носил белый легкий костюм без жилета, и только когда было очень жарко, ходил без пиджака, в белой русской рубашке. Ели мы на белой скатерти, что вызывало у молодежи некоторые затруднения, особенно при наложении варенья в манную кашу, поглощаемую в большом количестве. Так как отец плохо слышал, то за столом он мало участвовал в общей беседе. (Позже он достал хороший слуховой аппарат; включив его как-то за обедом, он вскоре выключил, сказав со смехом: «Боже, сколько же вы глупостей говорите». Правда, потом он его иногда все же включал.) За грибами отец никогда не ходил и не любил их ни в каком виде. На велосипеде ездил без нас и очень редко, но довольно часто ходил к морю (вместе с мамой) и иногда купался. Музыка отец лю-

бил, любил он слушать и музыкальные передачи, включая приемник на полную громкость. Слуховым аппаратом отец при этом не пользовался, говоря, что он очень искажает музыку (вероятно, из-за узкого диапазона частот). Потом он купил проигрыватель и постепенно собрал много пластинок с записями классической музыки.

Папа говорил, что больше любит праздновать свои именины, чем день рождения: день рождения в декабре, когда все заняты, а именины летом. Он обязательно заходил поздравить двух других Владимиров, живших в том же поселке — Владимира Ивановича Смирнова и Владимира Павловича Линника.

В то время отец работал над своей книгой «Теория пространства, времени и тяготения». Он говорил мне, что хочет преподнести теорию относительности так, чтобы не возникало сомнений, что так оно и должно быть, без всяких парадоксов, на которые обычно ссылаются при ее изложении. Даже название он изменил, ибо считал, что в общей теории относительности не больше относительности, чем в частной, и что название его книги лучше отражает суть дела. Вообще же он очень редко говорил мне о своей работе. Да и я про свою работу рассказывал не чаще. Разговор не получался, вероятно, потому, что у нас был слишком разный научный уровень.

В Келломяках папа много занимался фотографией, снимал и киноаппаратом. Проявлять и печатать он отдавал обычно кому-то в университет, но иногда делал это сам. Он действовал очень тщательно, например, при промывке обратимой киноплёнки на промежуточной стадии учитывал то, что вода в кране очень холодная (по его измерениям, 8°C), и соответственно удлинял промывку. Выдержку он тщательно определял по экспонометру и долго «прицеливался». Он научился безошибочно оценивать на глаз, что покажет экспонометр, и демонстрировал мне свое умение, но экспонометром тем не менее всегда пользовался. Когда появилась цветная киноплёнка, он начал снимать и на нее. Первые две пленки получились неудачные. Одна вышла в синих тонах, даже кошка с голубыми пятнами вместо белых. Папа назвал этот фильм «Жизнь в голубом». Другая получилась желтоватой и к тому же все двигались на ней очень медленно. Эту пленку он назвал «Осенний сон». В дальнейшем он сравнительно мало пользовался цветной киноплёнкой, говорил, что из-за малого размера кадра у нее недостаточная разрешающая способность. Но фотоаппаратом он снимал на цветную пленку довольно много, особенно во время заграничных поездок. Иногда по вечерам показывал снятые им слайды.

Поездки за границу

Начиная с 50-х гг. отец часто бывал за границей. Возвращаясь домой, он обычно привозил много фотографий, однако рассказывал о поездке примерно так: «Это — вид из окна гостиницы, а это — если пойти направо...» и т. д., но иногда вспоминал и что-нибудь более интересное.

Одной из первых была поездка в Польшу (кажется, в 1953 г.). Там в то время сложилась неблагоприятная обстановка с теоретической физикой. Ее хотели закрыть то ли как «идеалистическую», то ли как «не нужную народному хозяйству». Не знаю, как это было организовано, но у отца был длинный разговор об этом «в верхах» и он с удовлетворением отметил, что ему удалось убедить не «закрывать» ее. Первая послевоенная поездка в капиталистическую страну — Швейцарию — состоялась в 1955 г. Это был первый и единственный раз, когда отец ездил с переводчиком. Не знаю, по чьей инициативе это было устроено, но помню, что, когда незадолго до отъезда переводчик пришел к нам по каким-то делам, отец устроил ему экзамен, заговорив с ним по-французски. Отец, кроме того, прекрасно владел и немецким языком, так что переводчик как таковой нужен не был, но, вернувшись, отец говорил, что он много помог ему в устройстве всяких бытовых дел.

В 1962 г. отец во второй раз побывал в Польше. В эту поездку в составе делегации было два представителя Московского университета, причем один из них (Д. Д.) присвоил деньги, полученные им не только на себя, но и на второго делегата. Отец пошел в посольство и выхлопотал ему необходимую сумму. Он говорил, что, с одной стороны, надо было помочь (хотя делегация была большая и это можно было сделать вскладчину), а с другой, — придать делу огласку. Ведь посольство непременно потребует деньги с университета и тогда из официального источника узнают о поступке Д. Д. и примут соответствующие меры.

В Польше отец встречался с сотрудником Эйнштейна Л. Инфельдом и спорил с ним о принципе эквивалентности тяготения и ускорения в общей теории относительности. Инфельд, вслед за Эйнштейном, придавал этому принципу чрезмерно большое значение, не замечая, что он имеет лишь локальный, а не общий характер. Убедить Инфельда не удалось. А вот с Бором получилось иначе. Когда отец приехал к нему в Копенгаген и попытался высказать свои замечания устно, то разговора не получилось, потому что Бор, как сказал отец, привык «вещать». Тогда отец написал свои замечания в виде тезисов (они касались некоторых формулировок Бора, которые можно было истолковать в позитивистско-идеалистическом духе). Подробного разговора после этого, кажется, между ними не было, но отец заметил, что Бор стал высказываться в этом плане четче, избегая подобных формулировок.

Из рассказов о поездке в США запомнилось, как отец говорил, что, по его мнению, профессора, занятые только преподаванием и не связанные с промышленностью, живут не лучше наших, а те, кто связан с промышленностью, — значительно лучше. Но и те и другие не уверены в будущем. Например, когда отец спросил, кем хочет стать 12-летний сын одного профессора, родители тотчас ответили, что они так далеко не загадывают.

Был отец и в Норвегии, на праздновании 200-летия Норвежского Королевского общества, в Индии и других странах. Из Индии он привез квадратную фуражку и красную мантию почетного доктора Делийского университета (теперь они хранятся в музее Ленинградского университета). Было это зимой 1965—1966 гг., когда жара не так сильна, поэтому удалось побывать не только в Дели. Он был в Бомбее, осматривал Тадж Махал, видел пещерные храмы и даже ездил на слоне («трясет очень»), кажется, к этим храмам. В Бомбее было всего 24°С, и, когда в Комарове бывало больше, он с тех пор неизменно отмечал: «Сегодня жарче, чем в Бомбее, можно снять жилет». После его поездок за границу и рассказов о них я иногда упрекал отца, что Россию он знает хуже и даже в Суздале не бывал. Поэтому он однажды все-таки выбрал время, и мы вдвоем съездили во Владимир и Суздаль. Гостиницу заказали слишком поздно, и первую ночь пришлось спать в комнате на 10 человек. С едой тоже не всегда получалось удачно, но отец переносил все эти неудобства спокойно и остался доволен поездкой. Вообще, я не помню, чтобы он жаловался на неудобства в поездках. (А дома не стал бы есть второе, поданное в глубокой тарелке вместо мелкой.)

Дед и внуки

Первой родилась (в 1960 г.) моя дочь Катя. Когда ей было около месяца, мы приехали в Комарово. Папа встретил нас со словами: «Екатерина Михайловна и сопровождающие ее лица прибыли в Комарово». Осенью, когда мы укладывали Катю спать на крыльце (под крышей, но на свежем воздухе), папа все жалел ее: «Мы здесь в тепле и уюте, а у нее холодно, темно и сыро», но в наши дела не вмешивался. Правда, при ежедневном купании как ее, так и остальных внуков, когда они появились, он почти всегда присутствовал. На следующее лето все было так же, только Катя побольше. Пока взрослые сидели за столом, ее помещали в плетеное дачное кресло, стоявшее рядом, и она там лопотала что-то свое; стоя и размахивая руками. «Точь-в-точь как оратор в Гайд-парке, — заметил папа. — Говорит что-то непонятное и никто его не слушает». (Незадолго до этого он был в Лондоне и видел все собственными глазами.) Когда Катя была в том возрасте, в котором малыши швыряют игрушки, папа заметил: «Мы с Катей занимаемся одним и тем же делом — изучаем пространство». Он пояснил, что, по его мнению, малыши швыряют потому, что им кажется удивительным — был предмет

В кругу семьи. 1962 г.

большим (большие угловые размеры) и вдруг уменьшился, а когда его подняли — снова стал большим. Так они приучаются понимать, что при изменении расстояния угловые размеры становятся другими, а предмет остается таким же.

С Катей, а потом и с другими внуками, когда они были в том же возрасте, папа иногда играл так: возьмет конфетную бумажку или монетку, положит ее на глазах у малыша в футляр для очков и закроет крышку, а потом дает ему открыть и убедиться, что с положенным туда ничего не случилось. И так несколько раз, причем оба довольны. Папа пояснял, что это только взрослым все просто, а малышу надо еще усвоить, что если предмет не виден, это еще не значит, что его нет.

Вообще же папа занимался с внуками довольно мало, хотя всегда интересовался ими и, когда они подросли и стали подвижнее, много снимал их кинокамерой. Иногда он читал им вслух. В их детских заботах папа совсем не участвовал. Лишь однажды, когда моему сыну Пете было года три с половиной и папа пришел проведать внуков, Петя, в знак особого доверия, выбрал из всех присутствующих именно его и попросил помочь снять штаны, ибо имел срочную нужду. Папа несколько смущенно и неумело сделал все, что требовалось, а мы про себя посмеивались. С Петей был и еще один забавный эпизод. Года в четыре, на даче, он вдруг спросил дедушку: «Почему есть папоротник, а нет маморотника?» И дедушка, не задумываясь, ответил: «Но зато есть мамонт, а нет папонта». Петя этим удовлетворился, хотя вряд ли он до этого слышал слово «мамонт».

В 1964 г. родился последний внук — мой племянник Володя. Ему папа уделял больше внимания, в частности, и потому, что жил в Москве вместе с ним. Одно время он даже занимался с Володиной французским. Не знаю, когда папа сам выучил французский, но читал он свободно и научную, и художественную литературу, лишь изредка пользуясь толковым словарем Ларусса. Чаше всего он обращался к словарю при решении помешаемых в газете «Юманите» маленьких кроссвордов, которые считал полезными для совершенствования в языке. Этот словарь папа очень ценил, и даже если за обедом возникал вопрос, на который можно было там найти ответ, он тут же вставал, уходил в кабинет и вскоре возвращался, сообщая, что он там вычитал.

Встречи с П. Л. Капицей

Не знаю когда и как возникла дружба отца с Петром Леонидовичем, но продолжалась она несколько десятилетий, до самой смерти отца. Я уже писал, как Петр Леонидович спас отца от почти неминуемой гибели. Когда сам он оказался в опале, отец продолжал ездить к нему на Николину Гору. Там Петр Леонидович с помощью Института физических проблем оборудовал в гараже небольшую лабораторию, которую называл «избой физических проблем». Занимался он там разными вопросами, но, кажется, главным образом методами получения мощного высококачественного электромагнитного излучения. Отец помогал ему разобраться с теоретическими вопросами. Петр Леонидович и сам пробовал решать теоретические задачи. Однажды, вернувшись от него, отец пожаловался, что Петр Леонидович слишком вольно обращается с каким-то интегралом. В следующий раз он рассказывал, что жена Петра Леонидовича, Анна Алексеевна, нарисовала карикатуру, в которой Петр Леонидович в виде танцовщицы Коломбицы (нечто среднее между Коломбиной и Капицей) пляшет на тоненькой жердочке, положенной на два интеграла от нуля до бесконечности, так что непонятно, как все это держится, а отец в виде клоуна Пьеро с выражением грусти и неодобрения смотрит на нее снизу. К карикатуре были и стихи, в которых Пьеро жаловался, что Коломбица беспечно попирает нули и бесконечности.

В начале 50-х гг. отцу предложили заняться ядерной тематикой, точнее, физикой высоких энергий. Он даже ездил в Дубну, но не называл тогда ни самого города, ни где он расположен, настолько все это держалось в секрете. В то время эта тематика находилась в ведении Берии. Отец сильно сомневался, стоит ли соглашаться на это, и ездил советоваться с Петром Леонидовичем, что тогда было небезопасно. Он не передавал содержания разговора с Петром Леонидовичем, но, по-видимому, они пришли к выводу, что предложение следует принять. Вскоре появился приказ за подписью Сталина, что академик Фок будет заниматься квантовой электродинамикой. В дальнейшем отец еще несколько раз ездил в Дубну, но квантовой электродинамикой он так и не занялся, во всяком случае новых статей на эту тему у него не появилось.

Вероятно, к этому или несколько более раннему периоду относится один эпизод, о котором отец рассказал лет через двадцать. Однажды к Петру Леонидовичу пришел монтер «проверить телефон», хотя он работал хорошо и никто монтера не вызывал. После его ухода Петр Леонидович стал накрывать телефон толстым мягким колпаком от чайника. Но, когда приезжал отец, они иногда этот колпак снимали и тут же начинали беседу, укрепляя друг друга в преданности советской власти.

Не помню, видел ли отец Берию, когда решался вопрос о занятиях квантовой электродинамикой, но в те годы он беседовал с ним один раз в связи с подготовкой статьи в «Правде» в защиту теории относительности. Берия произвел на него впечатление очень умного человека, но одновременно он почувствовал, что тот на ножах с Маленковым. Отец был рад, что

В. А. Фок и П. Л. Капица. Конец 50-х гг.

перед этим ему удалось передать статью и Маленкову и теперь ни тот, ни другой не будут подозревать его в желании кого-то из них обойти. Мне запомнились слова отца: «Принципиальная политика — самая правильная политика». Вражда между Берией и Маленковым, по-видимому, и спасла Петра Леонидовича после смерти Сталина, ибо, как говорил отец (опять-таки лет через двадцать после событий), опала возникла из-за того, что Петр Леонидович поругался с Берией, кажется, из-за турбодетандера, позволявшего дешево и в больших количествах получать жидкий кислород, нужный для промышленности. Я не знаю подробностей конфликта, отец говорил только, что Берия сказал про Петра Леонидовича: «Я превращу его в лагерную пыль», но при Сталине он не смог этого сделать, потому что тот почему-то очень хорошо относился к Капице. Когда после смерти С. И. Вавилова Институт физических проблем назвали именем Вавилова, Петр Леонидович, по словам отца, даже обрадовался, поняв, что раз Берия пустился на такие мелкие пакости, значит, крупных он уже не может сделать. А после смерти Сталина Берии было не до того.

Все это я узнал много позже, когда Петр Леонидович уже давно был опять директором института, а не «избы физических проблем». А тогда отец рассказывал другое, но весьма характерное для Петра Леонидовича. В то время развертывалась кампания против «преклонения перед иностранщицей». Как-то вернувшись от Петра Леонидовича, отец сказал, что тот переименовал своего пса Джека в Якова. В другой раз он рассказал, что Петр Леонидович вдруг говорит Джеку-Якову: «Покажи, как академик кается». И пес с видом полной покорности ложился на спину, прижимая лапы к туловищу. Отец рассказывал также, что Петр Леонидович сделал маятник с вибрирующим подвесом, который, вопреки привычным представлениям, качается грузом кверху, или, что он сделал стол, не шатающийся, даже если под любые две ножки подложить по карандашу. Однажды отец привез с Николиной Горы стертый почти до основания бритвенный помазок и объяснил, что он уже давно подарил Петру Леонидовичу новый хороший, но тот не хочет им пользоваться. А теперь он увез старый, чтобы ему ничего не оставалось, как пользоваться новым.

Как-то летом отец взял меня с собой на день рождения Петра Леонидовича. В качестве подарка он привез с собой десяток бутылочек чернил. Петр Леонидович сразу объяснил, в чем дело: «В прошлый приезд Владимир Александрович обмакнул перо в чернильницу, а из нее вылез большой синий сгусток». Потом Петр Леонидович показывал «избу физических проблем», некая чающийся стол и сделанную им пружину, которая сама шагает вниз по лестнице. После обеда он стал изображать английского журналиста, задающего каверзные вопросы (отец вскоре должен был ехать за границу). Все это по-английски и отец отвечал тоже по-английски.

Последнее десятилетие

Летом 1964 г. умерла моя мама. Недели за две до этого у нее начались приступы удушья. Раза два папа ночью будил меня, чтобы я привел врача из медпункта нашего поселка (до него

надо было идти полкилометра). В последний раз вызвали еще и скорую помощь. Мама жестом показала нам, чтобы мы вышли из комнаты, но вскоре врач позвала меня и я присутствовал при ее последних секундах. Папа в это время сделали успокоительный укол, и он вошел, когда все уже кончилось. Он подошел к маме, потрогал ее волосы, сказал: «Сашка моя» — и вышел. Позже он сказал, что сразу понял, что означает этот укол. Похоронили маму на Комаровском кладбище и на первое время поставили деревянный крест. В то же лето отец нашел мастера и заменил крест на надгробие из черного камня. Когда мастер сделал надпись не так, как было заказано (то ли он написал фамилию впереди имени и отчества, то ли даты расположил иначе), отец настоял, чтобы надпись была выбита заново.

После похорон жизнь быстро вошла в привычное русло забот о детях, а отцу оставалось время для раздумий. Впоследствии мы нашли в его письменном столе записку, относящуюся к этому периоду, где он как бы спрашивает себя: неужели остается только быть свадебным генералом? Начиная с этого времени он перестал отдыхать в санатории Узкое, где раньше бывал с мамой каждую зиму. Не помню, в то же лето или в следующее он сказал мне, что хочет, чтобы его похоронили рядом с мамой, а еще через год или два написал завещание (оговорив, впрочем, что помирать он еще не собирается).

Постепенно отец передавал мне часть забот о даче. Как-то летом я выкрасил дачу, а чуть раньше отремонтировал свою московскую квартиру. Отец спросил меня, во сколько обошелся мне ремонт квартиры, а потом положил эту сумму на мою сберкнижку. Так как он никогда не дарил мне денег, то получилось, что он просто заплатил мне за ремонт дачи. Было неприятно. Вторая неприятность произошла через несколько лет. Осенью 1972 г. в Ленинграде была международная конференция по люминесценции, в которой участвовал и я. Жил я в Комарове и, естественно, рассказывал отцу про конференцию и, в частности, что ее труды предполагается издать по-русски и по-английски. Отец спросил, как я написал свою фамилию в английском тексте — Фок или Фокс. Я сказал: «Фок». Тогда он очень рассердился и потребовал, чтобы я на следующий же день исправил на Фокс, как писал он сам. «А то нас и за родственников не признают». Спорить было бесполезно, дело могло дойти до разрыва. Пришлось переделать, как он хотел. Почему-то отец придавал очень большое значение латинской транскрипции своей фамилии. В одну из последних своих поездок за границу — в ГДР — он потребовал, чтобы переписали врученный ему диплом, так как там было написано Фок, а не Фокс.

Нововведенный отец не любил. Хотя на даче зимой бывало прохладно, особенно по утрам, так как за ночь печки остывали, он не хотел проводить водяное отопление, говорил, что воздух будет слишком сухой и от котла пахнуть будет. Не хотел он и телефона на даче, чтобы его не беспокоили по пустякам. А позвонить в город, если понадобится, он может и из конторы поселка. На телефон он согласился лишь в самый последний год.

В начале 70-х гг. дом на 12 линии Васильевского острова, в котором жил отец, поставили на капитальный ремонт и ему пришлось хлопотать, чтобы его не переводили в квартиру обменного фонда, а дали постоянное жилье. Отец трудно переживал это, говорил, что рушится гнездо. Но он ошибался, гнездо еще не рушилось. В конце концов ему дали квартиру в «доме академиков», увешанном мемориальными досками. Дом стоит на углу 7 линии и набережной. Я перевез и расставил мебель по возможности так же, как она стояла на предыдущей квартире. Отец остался доволен. Квартира была светлой, с прекрасным видом на Неву, да и в университет ходить было ближе. Но прожил отец в ней недолго. Сотрудники теоретического отдела физфака уговорили отца подготовить второе издание книги «Начала квантовой механики», вышедшей еще в 1932 г. Он просмотрел ее всю и оказалось, что в ней все верно и не устарело, только ряд формулировок философского характера надо уточнить. Отец внес эти уточнения и добавил много материала из работ, вышедших после книги. Осенью он заболел, но все еще работал часа по 2—3 в день, даже в больнице. По-видимому, он чувствовал приближение смерти. В начале декабря, когда я приехал к нему в больницу, он вписывал формулы в рукопись книги и сказал мне: «Успеть бы». Кому-то из навестивших его друзей он сказал: «Я смерти не боюсь. Боюсь только принести горе близким». Утром 27 декабря 1974 г. он не проснулся. В его записной книжке мы нашли такую запись от 26 декабря: «Сегодня никто не приходил. Работал часа два с половиной». Похоронили отца только в январе из-за страшной волокиты, устроенной чиновниками из Сестрорецка, потому что похороны должны были состояться не в Ленинграде, где он умер, а в Комарове. Но в конце концов все удалось уладить и сделать, как он хотел.

Академия наук постановила издать собрание сочинений отца, установить мемориальную доску и надгробие. Пока сделано (за счет академии, но стараниями моей сестры) только надгробие. Мемориальная доска хотя и установлена, но не на средства академии и не на том здании, где он работал (на Васильевском), а за счет физического факультета на его здании в Петергофе, где он и не бывал. (Ректорат университета не нашел возможным выделить на нее деньги.)